

П. Г. Рогозный

Начало большевистской кампании по «вскрытию» мощей. Александрo-Свирский монастырь во время Гражданской войны*

Знаменитая кампания по вскрытию мощей официально началась в 1919 г. и для многих верующих, по словам современника, была «тяжким потрясением»¹. В русском православии сложилось представление, что мощи — это непременно нетленные останки святых. Хотя это воззрение можно назвать народным, даже среди образованной церковной паствы нетление часто служило необходимым доказательством святости.

Это хорошо показано в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: когда тело умершего старца Зосимы начало «пахнуть», это было воспринято как показатель его греховной жизни. Большевики и их советники (некоторые из них, как, например, бывший священник Галкин, были хорошо осведомлены о народном представлении о святых мощах и их нетлении), вероятно, знали и о реальном состоянии мощей.

Новые власти действовали на основании постановления коллегии Народного комиссариата юстиции, принятого 16 февраля 1919 г. Исследователям известно около 70 вскрытий; при этом нетленных мощей (или, как писали

* Исследование выполнено в рамках темы государственного задания «Социально-политическая и экономическая трансформация российского общества в периоды кризисов и реформ XX в.» (FMZM-2024-0015).

большевики, «мумифицированных трупов») оказалось очень мало — в основном обнаруживали сгнившие кости и множество посторонних предметов².

Информация о вскрытии отдельных мощей появлялась в прессе. Кроме того, выпускались листовки, где, как правило, частично публиковался протокол вскрытия; позже эти тексты печатались в центральном журнале «Революция и церковь». Юридические основания для вскрытия мощей были весьма сомнительны: патриарх Тихон отмечал, что подобную акцию можно расценивать как «грубое вмешательство в область религиозной свободы», провозглашенной самими властями³.

Современник событий, профессор Б. В. Титлинов, в подцензурной книге 1924 г. осторожно писал: «...конечно, вмешательство в культ мощей не входило непосредственно в программу революционной политики, поскольку мощепочитание относилось к области внутренней церковной жизни и было делом верующего человека. Но с другой стороны сам факт обманных мощей ставил вопрос об ограждении народных масс от недобросовестной игры на религиозном чувстве и наталкивал на вмешательство гражданской власти»⁴.

О вскрытии мощей написано немало⁵. Если в советскую эпоху кампания рассматривалась почти исключительно как разоблачение обмана духовенства в отношении народа, то в настоящее время она чаще описывается как кощунственное осквернение святынь. Так она рассматривалась и на территории белых⁶. Но можно отчасти согласиться с автором, пишущим, что «в литературе невозможно встретить объективную (если не выразиться сильнее — адекватную) оценку исторического и юридического значения кампании по вскрытию мощей 1919–1920 гг. Литература советского периода наполнена противоцерковной пропагандой, а постсоветская — ненавистью к ушедшему режиму, причинившему Церкви серьезный ущерб»⁷.

При этом авторы разных взглядов нередко описывают эту кампанию как антирелигиозную, что чаще всего неточно. Большевики не считали, что распоряжение направлено против верующих, они говорили и писали, что вскрытие мощей обращено против так называемых «поповских проделок»⁸ — фальсификации мощей с целью получения денежной прибыли. Более того, представители власти иногда прибегали к своеобразной религиозной терминологии. Если бы узнал Иисус Христос — «сын плотника из Назарета... жизнь свою отдавший за други своя... какой великий обман именем его будут творить на земле»⁹.

В циркуляре Комиссариата внутренних дел от 28 февраля 1919 г. разъяснялось, что «разоблачение векового обмана не является поруганием свободы совести и не противоречит ни одному из законов Советской Республики. Наоборот, именно злостные и сознательные обманщики трудящихся должны быть привлечены к строгой и сугубой ответственности»¹⁰.

Поводом для начала кампании послужил случай в Александро-Свирском монастыре. Не случайно я поместил слово «вскрытие» в кавычки: источники

убедительно показывают, что официально обставленного вскрытия, как это происходило позднее, тут не было.

Монастырь считался богатым. После Февральской революции настоятель монастыря, архимандрит Евгений (Трофимов), с беспокойством писал местному архиерею, что местная полиция и монастырский урядник, охранявший монастырь, «обезоружены», а из «газетных сообщений известно, что многие уголовные преступники во время революции убежали из тюремного заключения». Около обители «стало появляться больше разных шатающихся проходимцев». Настоятель просил епископа принять «меры к охране монастыря»¹¹. «Углубление» революции, сопровождавшееся сменой власти, привело к заметному усилению антиклерикальных настроений в обществе.

Соседство с расположенным рядом полком красноармейцев не сулило монастырю ничего хорошего. Начался в буквальном смысле этого слова шантаж монастыря по самым различным вопросам, которые спонтанно возникали у местной власти. Может показаться, что окрестное население считало, будто в монастыре есть все. Так, из местного отдела комиссариата просвещения требовали парты и стулья для открывающейся школы; расположенная рядом военная часть беззастенчиво выкапывала урожай на монастырской земле и требовала у монастыря даже тряпок для чистки пулеметов. Более того, монахов даже обязали изготовить красное знамя и «плакаты из красной материи» для «народного торжества» первой годовщины Октябрьской революции¹².

Больше всего беспокойства монастырю доставляло соседство с артиллерийским дивизионом и 170-м полком. Судя по ведомости выданного военным имуществом монастыря, монастырь предоставлял красноармейцам сапоги, одежду, кровати, стулья, нитки, самовары, кружки, ложки и тарелки и т. п.¹³

Восстановить полностью все трагические события осени 1918 г. источники не позволяют. Можно лишь изложить две версии происшедшего — версию монахов монастыря и версию большевиков.

Официально в 1918 г. при приеме на государственный учет имущества монастыря в раке святого Александра Свирского вместо мощей была обнаружена «кукла».

Согласно декрету «Об отделении церкви от государства», Церковь не имела прав юридического лица, и все ее имущество объявлялось достоянием народа. По инструкции от 24 августа 1918 г. о проведении в жизнь данного декрета, все имущество, прежде чем стать «народным достоянием», принималось на государственный учет.

Кто первым заговорил о кукле вместо мощей, неясно, однако слух о ней попал в прессу и начал распространяться. Священник Иоанн Лебедев из Новгородской губернии писал 17 ноября 1918 г. настоятелю монастыря, что, «по сведениям из газет устно», будто бы вместо мощей Александра Свирского обнаружена кукла¹⁴. Священник просил настоятеля «во имя долга и честного слова» сообщить «все правду о “св. мощах”» по адресу этого священника¹⁵.

Председатель Олонецкого епархиального совета уже официально обращался в монастырь, так как, по «дошедшим сведениям», в монастыре работала какая-то комиссия с представлением медицинского освидетельствования мощей преподобного. Если это «справедливо», Епархиальный совет просил «донести ему» об этом, присовокупив копию акта комиссии — если таковой был составлен¹⁶.

Житель Дмитрова, некто Александр Тайзанский, назвавший свою профессию — «лесничий», писал, что его очень «тревожат и смущают факты», которые он прочитал в «Советских газетах» (так. — *П. Р.*), будто бы «совершилось поругание мощей Святого и Преподобного Чудотворца Александра Свирского». Лесничий писал, что не доверяет сведениям прессы и «умоляет» сообщить ему, что произошло «в действительности» с мощами подвижника, «столь высоко чтимого мною»¹⁷.

Центральные власти, по-видимому, впервые узнали о событиях в монастыре из доклада бывшего священника Михаила Галкина. Осенью 1918 г. он в качестве эксперта Наркомата юстиции побывал в Олонецкой губернии. В своем отчете Галкин сообщал: в сентябре того же года комиссия губернского исполнительного комитета (15 человек) прибыла в Александро-Свирский монастырь, чтобы поставить его собственность на «народный» учет.

Монахи, приняв комиссию за грабителей, ударили в набат. На зов колокола сбежались верующие и заставили незваных гостей временно ретироваться. Однако вскоре, при поддержке красноармейцев, власти арестовали и расстреляли настоятеля и наиболее активных монахов.

22 октября члены Лодейнопольского уездного совета вновь посетили монастырь и реквизировали все ценное имущество, включая три раки для мощей. По словам Галкина, при вскрытии мощей — в присутствии «многочисленных представителей» — в раке вместо нетленных останков обнаружилась «самая обыкновенная кукла»¹⁸.

Галкин также сообщал, что на чердаке церкви, где «вили гнезда голуби», кроме серебра, зарытого в песок, представители власти, производившие обыск, нашли еще одну восковую куклу весом до 40 пудов. Также он писал в Народный комиссариат юстиции, что в доме архимандрита обнаружено много любовных писем к некоей «Анюте», по которой он «очень скучает» и приглашает ее прийти к нему в 8 часов вечера.

Сложно сейчас что-то сказать о морально-нравственной обстановке происшествия, которая положила начало кампании большевиков, могущей иметь убийственные последствия для Церкви. По крайней мере обстановка в монастыре накануне происшествия с мощами здоровой не была — об этом говорят записи в дневнике благочинного, протоиерея Николая Чукова¹⁹.

Что точно произошло в монастыре, и каким образом появилась версия о кукле, сказать не представляется возможным — по крайней мере доступные мне документы не позволяют это сделать.

30 октября в городе прошел митинг, который принял резолюцию, поддержавшую действия властей. Она гласила: «Клеймим позором затемнителей в лице монастырских и прочих священно-церковнослужителей, извращающих святые идеи нашего великого учителя Христа»²⁰.

Отчет Галкина, поступивший в Комиссариат юстиции, датирован 29 ноября 1918 г. Фактически этот документ указывал на тактически выгодные для большевиков направления дискредитации монашества и Церкви. Причем расстрел настоятеля монастыря, о чем сообщал Галкин, произошел не в самом монастыре, а в Лодейном Поле.

По всей видимости, настоятеля монастыря, архимандрита Евгения (Трофимова), вначале просто арестовали и держали в заключении. Его расстреляли в ночь с 1 на 2 ноября. Вместе с ним были расстреляны: казначей иеромонах Варсонофий, священник Перов и гражданин Стальбовский²¹. Исполняющим обязанности настоятеля монастыря местный военный комиссар назначил игумена Антония, причем сам новый настоятель отмечал, что «не по своему» желанию занял должность, «а по приказанию». Волостной военный комиссар сообщал, что «совместно с Советом бедняков» «просил означенную должность временно занять игумена Антония». По словам комиссара, игумен Антоний, «идущий навстречу строительства новой жизни», вполне соответствует должности, а поэтому желателен его «в означенной должности»²².

Чтение некоторых документов Александро-Свирского монастыря, абсурдных по своей сути, может навести на мысль, что монахи вообще не читали послания патриарха и незнакомы с результатами деятельности Поместного собора. Так как Церковь тогда фактически большевиков не признавала, и любое содействие новым властям было с церковной точки зрения недопустимо²³.

Назначение настоятеля монастыря комиссаром совместно с комбедом и самим новым настоятелем с монахами могло рассматриваться как законное, а главное — привычное действие, свойственное любой светской власти, которой надобно подчиняться.

Однако Олонецкий епископ Иоанникий (Дьячков) письмом в монастырь потребовал объяснений: «Когда, кем и при каких обстоятельствах поручено управление Свирским монастырем Антонию?»²⁴ Из контекста самого письма ясно, что архиерей не знал достоверно, что произошло в монастыре. Епископ просил представить дело в том виде, в каком оно было «в действительности, и не переиначивать факты»²⁵. Из этого письма можно сделать вывод, что епархиальному архиерею поступали противоположные версии случившегося.

В тот же день, 8 (21) ноября, временно управляющий Александро-Свирским монастырем игумен Антоний ответил епархиальному епископу: он послал ему два акта — о реквизиции в монастыре и осмотре мощей²⁶.

Вскоре после этого епархиальный епископ Иоанникий (Дьячков) отправил патриарху доклад, в котором цитировал поступившее ему донесение братии монастыря.

В этом рапорте говорилось: «...обитель нашу постигло ужасное несчастье: 10 (23) октября приехали комиссары с красноармейцами, вызвали всю братию в трапезную, арестовали, отобрали ключи от келий и келии обобрали.

На второй день обобрали драгоценности в ризнице и взяли из Преображенского собора раку Преподобного, сосуды и напрестольные кресты. Мощи преподобного из раки вынули, дерзнули своими руками открыть и даже глумились над святыми мощами. Мощи намеревались увезти с собой, но братия упростила оставить — и их оставили»²⁷. В этом же документе, вместе с перечислением тех драгоценностей, что увезли с собой красноармейцы, указана и причина этой реквизиции — «из опасения захвата неприятелем»²⁸.

(Действительно, монастырь на краткое время в 1919 г. оказался в районе военных действий Гражданской войны и был захвачен войсками так называемой Олонецкой добровольческой армии, или белофиннами, как писали в советской историографии. Однако вскоре белые финны были выбиты из монастыря красными финнами и войсками Красной армии.)

«Осмотр мощей» был произведен самими монахами и датирован 5 (18) ноября 1918 г. Документ сохранился в Государственном архиве Российской Федерации; в архиве самого монастыря, который хранится в Петербургском институте истории РАН, документа об «осмотре мощей» нет.

Монахи писали, что, вскрыв гробницу, обнаружили схимническую одежду, местами истлевшую, а «подняв налобник, увидели лицо Преподобного: нижняя челюсть упала на грудь (так. — *П. Р.*), зубы во рту все целы, только два нижних выпало, на голове имеется немного волос и сохранилась часть бороды... С груди ребра упали, и видно немного позвоночник»²⁹. (Мощи, сейчас находящиеся в монастыре, совсем не те, что осматривают и описывают монахи в ноябре 1918 г. Споры о вновь обретенных мощах Александра Свирского, которые оказались вдруг полностью нетленные, не утихают³⁰.)

Кроме описания мощей, в Комиссариат юстиции поступила жалоба самих монахов, которая ярко описывала грабеж монастыря группой красноармейцев, насчитывавшей «до 30 человек». Они забирали все что хотели; нашли монастырское вино, и «некоторые допьяна напились». Среди грабителей были и те, кто жил ранее в монастыре в качестве послушников и рабочих, а поэтому «даже знали, где спрятаны монастырские драгоценности»³¹. Благочинный Николай Чуков подробно задокументировал, что красноармейцы взяли из монастыря³².

Описание событий, изложенное монахами, противоречит «советской версии» в отчете Галкина. Они, опровергая версию о «кукле», фактически признавали отсутствие в раке нетленных мощей³³. Показательно и то, что новый настоятель монастыря дал показания, что в гробу вместо нетленных мощей Свирского оказался «самый обыкновенный скелет»³⁴.

Случай с мощами Александра Свирского послужил только поводом для кампании по вскрытию мощей. Само происшествие в монастыре можно рас-

смаатривать как попытку описать имущество монастыря, закончившуюся обыкновенным грабежом.

Из так называемого «Дневника монастыря», куда изо дня в день заносились одни и те же сведения о присутствии монахов на богослужении, о их болезнях или дисциплинарных проступках и т. п., какую-либо информацию извлечь очень трудно.

Так, Февральская революция и падение самодержавия отмечены только тем, что 17 марта 1917 г. после литургии была отслужена панихида «по павшим борцам за свободу народа»³⁵. Октябрьская же революция, судя по «дневнику», прошла незамеченной. Незамеченными прошли и такие церковные события, как открытие Поместного собора и избрание на нем патриарха, а также «декрет об отделении церкви от государства». Арест и расстрел настоятеля монастыря отмечен только тем, что он «убыл в Олонец», — правда, годовщину Октябрьской революции в 1918 г. отмечали отсутствием ежедневного богослужения и «отдыхом» ввиду «праздника»³⁶.

Ограбление монастыря и стихийное вскрытие мощей Александра Свирского никак не отмечены в документах. Правда, написано, что 20 декабря 1918 г. / 7 января 1919 г. вечером «увезли мощи Преподобного по осмотре их в Лодейное Поле»³⁷.

Даже лишившийся своей основной святыни — мощей Александра Свирского — монастырь продолжал жить еще почти год.

Следует отметить, что «церковную», если так можно сказать, точку зрения на события в Александрo-Свирском монастыре новые власти получили поздно — по всей видимости, в начале 1919 г.³⁸

В письме властям Н. Д. Кузнецов события вокруг монастыря называет «слухами», которые «все более и более распространяются». По его словам, 23 октября монастырь подвергся настоящему разгрому, который учинили приехавшие туда «красноармейцы, назвавшие себя комиссарами». Кроме обычного грабежа, они, «вероятно, в оправдание своих возмутительных действий, выдумали басню, будто бы вместо останков тела Александра Свирского они нашли восковую куклу». В заключение Кузнецов писал, что он уверен: «...этот случай обратит на себя внимание самого Совета Народных Комиссаров, помимо VIII отдела»³⁹.

Однако дальнейшие события показали: большевики обратили пристальное внимание на этот случай, но вовсе не так, как предполагал Н. Д. Кузнецов. Это стало прецедентом — мощи начали вскрывать официально, а Александрo-Свирский монастырь тем временем продолжали грабить⁴⁰.

Понятно, что до признания патриархом Тихоном легитимности Советской власти в 1919 г. любую инициативу властей — чаще всего местных — например, такую как наложение контрибуций или так называемую реквизицию, — можно рассматривать как обыкновенный грабеж церковной собственности. Причем иногда некоторые бытовые предметы вначале забирали «временно», «под расписку», потом реквизировали, а потом просто расхищали.

Именно такая судьба была у имущества Александро-Свирского монастыря, фонды которого хорошо сохранились и позволяют проследить все три формы изъятия монастырской собственности. Перечень всего имущества, которое отобрали у монастыря, занимает несколько объемных дел, куда дотошные монахи вписывали все, что «одолжили на время», «реквизировали» и «ограбили»⁴¹.

Причем все три названия встречаются в описании отъема монастырского имущества, и, похоже, что их вначале различали, так как в делах монастыря находятся многочисленные расписки о взятии у монастыря свечей для освещения помещений близлежащего полка Красной армии или масла для смазки оружия и капусты с монастырских огородов.

Так, из письма председателя местного Олонецкого совнархоза в январе 1919 г. следует, что «полная опись всего монастырского имущества еще не произведена», однако «производится расхищение имущества»⁴².

Судя по письму, хищения имущества производил расквартированный в монастыре 170-й полк, который при передислокации в другое место просто увез с собой монастырские вещи.

Грабежом монастыря занимались и представители «Алексеевского Волостного Комиссариата», а также просто «граждане», которые забрали 30 пудов овса, принадлежавшего монастырю.

Местный совнархоз считал «подобные явления — расхищением и неплановым пользованием общенародным достоянием»⁴³.

170-й стрелковый полк, квартировавший в монастыре, брал вещи по расписке и самовольно — без оной. Наивные монахи начиная с 1918 г. составляли описи вещей с надеждой, что их вернут или по крайней мере каким-либо образом компенсируют. Очевидно, что выше цитируемое письмо председателя местного совнархоза, который отвечал за экономические вопросы в уезде, не возымело действия. Грабеж монастыря продолжался.

Тогда председатель совнархоза в феврале 1919 г. информировал персонально «граждан» Луначарской волости, деревни Александро-Свирской слободы и «других ближайших деревень, прилегающих» к монастырю, а также солдат, что отныне все имущество и хозяйство Александро-Свирского монастыря переходит «в ведение и распоряжение Олонецкого уездного совета народного хозяйства». Также сообщалось, что «воспрепятствуется делать какие бы то ни было набеги на монастырь как за хлебом, так и вообще за монастырским имуществом»⁴⁴.

То есть представитель советской власти признал, что главная опасность монастырю исходит от местных крестьян и солдат. Ввиду того, что грабежи продолжались не только красноармейскими частями, но и местным комитетом бедноты, в 1919 г. совнархоз постановил на основе монастыря создать советское хозяйство, а оставшихся монахов привлечь к работе. Виновных в расхищении имущества было решено «привлечь к революционному суду»⁴⁵.

Вообще создание советского хозяйства становилось «единственной возможностью выжить» для монастыря. Современная исследовательница справедливо

пишет: «Объявляя себя трудовыми коммунами и артелями, монахи и монахини могли остановить разграбление монастыря крестьянами и неконтролируемые ими реквизиции со стороны различных ведомств и военных. При помощи этого они также стремились оградить себя от обвинений в “контрреволюционности” и репрессий властей».

Как это ни покажется удивительным, самую большую опасность для монастыря составляло именно местное население. Таким образом Александрo-Свирский монастырь стал называться Советским хозяйством имени Карла Маркса⁴⁶.

Такое «превращение» монастыря не выглядит оригинальным: аналогичный путь прошли и другие обители.

Случай с мощами Александра Свирского наглядно показал, что многие из тех, кто прежде занимался насилием и грабежом, могут превратиться в разоблачителей «векового обмана трудового народа». После этого началась масштабная кампания по вскрытию мощей, итоги которой власти сочли успешными. Тот факт, что при этом нарушался недавно изданный ими же декрет, большевиков не волновал.

При этом нельзя утверждать, что действия властей не учитывали требований «масс трудящихся»: монастыри нередко воспринимались как рассадники «мракобесия и тунеядства».

Фактическое и юридическое закрытие и уничтожение монастырей встречало сочувствие не только у части крестьян, но и у антибольшевистски настроенной интеллигенции⁴⁷.

¹ Федотов Г. П. Святые древней Руси. М., 1990. С. 38.

² Узнав результаты первых вскрытий, патриарх Тихон конфиденциально разослал по епархиям свой указ «об устранении поводов к глумлению и соблазну в отношении св. мощей», он требовал изъять из гробниц святых все не имеющие отношения к останкам святых предметы (см.: Указ Св. Патриарха Тихона епархиальным архиереям об устранении поводов к глумлению и соблазну в отношении св. мощей. 17 февраля 1919 года // Следственное дело патриарха Тихона. М., 2000. С. 497).

³ Письмо к председателю СНК В. И. Ленину о несоблюдении закона о свободе совести. 27 июля (9 августа) 1920 г. // «В годину гнева Божия...». Послание, слова и речи св. Патриарха Тихона. М., 2009. С. 256. В своем первом издании декрет «Об отделении церкви от государства» назывался декретом «О свободе совести».

⁴ Титлинов Б. В. Церковь во время революции. Пг., 1924. С. 175.

⁵ Кашеваров А. Н. Советская власть и судьбы мощей православных святых. СПб., 2013; Маршадье Б. Вскрытие мощей в первые годы советской власти // К Истине. URL: https://k-istine.ru/sants/sants_relics_marhadie.htm?ysclid=mr56c4xhvs423401781 (дата обращения 25.08.2025); Страсти по мощам: из истории гонений на останки святых в советское время. СПб., 1998; Greene R. N. Bodies Like Bright Stars Saints and Relics in Orthodox Russia. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2010; Smith S. A. Bones of Contentment: Bolsheviks

- and Struggle against Relics 1918–1930 // Past and Present. 2009. No. 2004. P. 155–194; *Панченко А.А.* Иван и Яков — необычные святые. «Крестьянская агиология» и религиозные практики в России. М., 2012. Одна глава в книге посвящена вскрытию мощей. Протоколы вскрытия мощей печатались сразу после вскрытия. В 1961 г. в период нового гонения на Церковь некоторые из этих протоколов были переизданы в сборнике «О святых мощах». О почитании мощей вообще глазами современного ученого-антрополога см.: *Кормина Ж. В.* Паломники. Этнографические очерки православного номадизма. М., 2019. С. 179–198. Из статей хочется отметить: *Белоусова М. А.* Нормативное регулирование кампании по вскрытию и ликвидации мощей в РСФСР 1919–1920 // Вопросы российской юстиции. 2020. № 6. С. 25–35.
- ⁶ Обращение Собора к красноармейцам 23 мая 1919 г. // Юго-восточный русский церковный Собор. М., 2018. С. 163–164. Так, в послании к красноармейцам задавался вопрос: «Почему вы оскверняете святые, честные мощи?» (Там же. С. 164).
- ⁷ *Белоусова М. А.* Нормативное регулирование кампании по вскрытию и ликвидации мощей в РСФСР 1919–1920. С. 32.
- ⁸ Именно так называлась известная статья в «Правде», которая недавно републикована (см.: Газетная статья Н. Мещерякова «Поповские проделки» от 27 апреля 1919 г. // Конфессиональная политика советского государства. Документы и материалы. М., 2018. Т. 1. Кн. 4. С. 156–161). Очень скоро Мещеряков дополнил ее и издавал в виде книжечки, которая, судя по всему, пользовалась большим успехом. Так, в РНБ находятся три издания этой брошюры, вышедшей в Харькове, Самаре и Москве в 1919–1920 гг. Брошюра «Поповские обманы. (Факты и документы)» (М., 1919) является расширенной версии «проделок». Книжечки старого партийца Н. Л. Мещерякова являлись популярным и востребованным материалом, написанным для народа по поводу вскрытия мощей.
- ⁹ Следственное дело патриарха Тихона... С. 521.
- ¹⁰ Циркулярное письмо народного комиссара внутренних дел Г. И. Петровского губисполкомам и горисполкомам о революционных целях декрета и обследовании мощей святых // Православная Москва. Документы и материалы. М., 2004. С. 197.
- ¹¹ Архив Санкт-Петербургского института истории РАН (Архив СПбИИ РАН). РС. Ф. 3. (Александр-Свирский монастырь). Оп. 3. Д. 595. Л. 8. Рапорт 10 марта 1917 г. Епископ распорядился охранять монастырь, организовать караул из братии по 3–4 человека, один из которых должен был дежурить на колокольне, готовый ударить в набат. По словам епископа, такой караул будет самой «лучшей охраной монастыря» (Там же).
- ¹² Архив СПбИИ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 602. Л. 84, 92.
- ¹³ Там же. Д. 615. Следует сказать, что красноармейцы брали у монастыря вещи с обязательством впоследствии их вернуть.
- ¹⁴ Действительно, в прессе появилась небольшая статья, где сообщалось, что гробница Александра Свирского была «замурована в стену», и при ее открытии вместо мощей была обнаружена восковая кукла (*Боркин*. Нетленные мощи // Красная газета. 1918. 6 ноября).
- ¹⁵ Архив СПбИИ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 602. Л. 31.
- ¹⁶ Там же. Л. 40.
- ¹⁷ Там же. Д. 620. Л. 37 — 37 об.
- ¹⁸ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. А-353. Оп. 3. Д. 691. Л. 16 — 16 об.
- ¹⁹ «Монастырь производит чудное впечатление, но порядки — плохи. Епископ во время богослужения весьма несдержан на дьяконов и священников. Строгое замечание сделал о. Вл. Кудрявцеву даже за то, что тот во время великого славословия стоял на коленях. Архимандрит сообразно духу времени предоставляет отдельным частям хозяйства самоуправляться, и здесь заходят далеко. На гостиную Исайя держит себя непозволительно, был даже очень навеселе в Троицу, вечером; шутки и прибаутки с дамами, своеобразие в отношениях к разным людям, согнал с лошади и обругал дураком Петропавловского только за то, что тот выпросил лошадь не у него, а у диакона» (*Чуков Н. К., прот.* Дневник 1918–1923 гг. Запись 12 (25) июня 1918 г. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Grigoriy-Chukov/dnevnik-1918-1923-gg/> (дата обращения 04.04.2026)).

- ²⁰ ГА РФ. Ф. А-353. Оп. 3. Д. 691. Л. 16 — 16 об.
- ²¹ *Детчуев Б. Ф., Макуров В. Г.* Государственно-церковные отношения в Карелии (1917–1990). Петрозаводск, 1999. С. 26.
- ²² Архив СПБ ИИ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 602. Л. 30.
- ²³ «Священнослужители... содействующие проведению в жизнь враждебных Церкви положений декрета о свободе совести и подобных ему актов, подлежат запрещению в священнослужении и в случае нераскаяния извергаются из сана» (Собрание определений и постановлений / Священный Собор Православной Российской церкви. М., 1918. Вып. 3. С. 59). «Никто кроме Священного Собора и уполномоченной им церковной власти не имеет право распоряжаться церковными делами» (Там же. С. 57).
- ²⁴ Архив СПБ ИИ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 602. Л. 32.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же. Л. 33.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ ГА РФ. Ф. А-353. Оп. 3. Д. 731. Л. 62. Очевидно, этот же текст переписал протоиерей Николай Чуков, будущий митрополит ленинградский Григорий. Его текст хранится в его личном архиве (*Мусин А. Е.* Церковная старина в современной России. СПб., 2010. С. 405). (Архив митрополита хранится у его наследников и исследователям фактически недоступен.)
- ³⁰ Причем полемика о принадлежности этих мощей была довольно горячей, слишком новые мощи оказались «непохожими» на старые, подозрительным многим казалось, что якобы мощи хранились в Музее анатомии Военно-медицинской академии в Ленинграде под «надежной защитой» академика В. Н. Тонкова, который был «волевым человеком, никогда не терявшим достоинство». В 1918 г. сам Я. М. Свердлов дал ему характеристику для вступления в партию, которая до сих пор хранится в семье (Свято-Троицкий Александро-Свирский монастырь. 500 лет. [Б. м.], 2006. С. 121–122).
- ³¹ ГА РФ. Ф. А-353. Оп. 3. Д. 731. Л. 63.
- ³² Акт братии Александро-Свирского монастыря Олонецкой епархии в Наркомюст об аресте монахов и послушников, конфискации имущества монастыря и вскрытии раки. 18 ноября 1918 г. // Отечественные архивы. 1993. № 2. С. 58–59. Монахи монастыря постоянно использовали слово «гробик» для характеристики предмета, где находились мощи святого: из «гробика вынули мощи» и т. п. (Там же).
- ³³ Дискуссия о состоянии и принадлежности «мощей» Александра Свирского, выставленных в монастыре в настоящее время, приняла ярко выраженный идеологический характер и к науке отношения не имеет. Мощам или нетленному телу, которое принимают за мощи подвижника, посвящена разнообразная литература. См.: Тайны и загадки мощей чудотворца Александра Свирского. М., 2007.
- ³⁴ Показания настоятеля Александро-Свирского монастыря игумена Антония от 20 декабря 1918 г. // Конфессиональная политика советского государства 1917–1991 гг. Документы и материалы. М., 2018. Кн. 4. Т. 1. С. 151–152.
- ³⁵ Архив СПБ ИИ РАН. Ф. 3. Оп. 7. Д. 50. Л. 79.
- ³⁶ Там же. Л. 301.
- ³⁷ Там же. Л. 344.
- ³⁸ ГА РФ. Ф. 130. Оп. 3. Д. 167. Л. 5. Заявление Кузнецова написано 20 декабря 1918 г., но получено, судя по штампу регистрации входящих документов, только 15 января 1919 г. Опубликовано по копии — без правки и подчеркиваний Кузнецова, а также без штампов регистрации. См.: Отделение Церкви от государства и школы от Церкви 1919 г.: сборник документов. М., 2024. С. 111–113.
- ³⁹ ГА РФ. Ф. 130. Оп. 3. Д. 167. Л. 4. В подлиннике письма эти слова Кузнецовым подчеркнуты чернилами.
- ⁴⁰ Все же на запрос Кузнецова власти отреагировали и довольно быстро. Реакцию властей я нашел в другом деле: управляющий делами Совнаркома Бонч-Бруевич запросил

контрольно-ревизионную комиссию по поводу «анархичных и даже возмутительных действий» местной власти. Также он запросил, действительно ли расстрелян настоятель монастыря и другие лица, и за что последовала «столь суровая кара» (ГА РФ. Ф. 130. Оп. 3. Д. 216. Л. 14). Очевидно, ревизионная комиссия запросила Олонецкую ЧК и получила ответ, датированный 1 февраля 1919 г., что указанные лица — настоятель монастыря архимандрит Евгений, казначей иеромонах Варсонофий, священник Перов и «гражданин» Стальбовский — «действительно расстреляны» за организацию «Черносотенного союза по защите от Советской власти церквей, монастырей и часовен» (Там же. Л. 15).

⁴¹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 3. Оп. 8. Д. 2–3.

⁴² Там же. Оп. 9. Д. 4. Л. 2.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же. Л. 5.

⁴⁵ Там же. Л. 7 — 7 об.

⁴⁶ Деятельности этого совхоза посвящена небольшая книга (см.: *Муравьева М.* Александр-Свирский совхоз им. товарища Карла Маркса. 1919–1927. СПб., 2026). Так, на территории бывшего монастыря в 1920 г. был открыт «мыльный завод», а через год первый в Олонецкой губернии сельскохозяйственный техникум (Там же. С. 26–30).

⁴⁷ Князь С. Д. Урусов, описывая разговоры в камере тюрьмы, в которой он сидел летом 1919 г. среди «так называемых интеллигентов», отмечает, что «уничтожение монастырей» рассматривали как чуть ли не главное достижение большевиков. «Беседа кончилась за поздним временем, насколько помню, общим признанием, что исчезновение монастырей, во всяком случае, не причинит убытка духовно-нравственному развитию русского народа» (*Урусов С. Д.* О русских монастырях (Беседа в Бутырской тюрьме) // *Урусов С. Д.* Записки. Три года государственной службы. М., 2009. С. 654). При чем сам С. Д. Урусов указывал, что впоследствии стал сторонником признания большого культурного и нравственного значения монастырей. «Теперь, через 9 лет, я все еще думаю, что насаждаемое в деревнях кино и радио не дадут женам и матерям крестьян отдыха и не окажут на их больную душу того целебного влияния, которое они искали и находили при своих паломничествах по монастырям», — отмечал он (Там же. С. 656).

References

- Belousova, M. A. Normativnoe regulirovanie kampanii po vskrytiyu i likvidatsii moshchei v RSFSR 1919–1920 [Regulatory Regulation of the Campaign for the Opening and Liquidation of Relics in the RSFSR 1919–1920. In Russ.]. In *Voprosy rossiiskoi yustitsii*. 2020. No. 6, pp. 25–34.
- Greene, R. N. *Bodies Like Bright Stars Saints and Relics in Orthodox Russia*. DeKalb, Northern Illinois University Press, 2010, 299 p.
- Kashevarov, A. N. *Sovetskaya vlast' i sud'by moshchei pravoslavnykh sviatykh* [Soviet Power and the Fate of the Relics of Orthodox Saints. In Russ.]. St. Petersburg, Nauka publ., 2013, 228 p.
- Kormina, Zh. V. *Palomniki. Etnograficheskie ocherki pravoslavnogo nomadizma* [Pilgrims: Ethnographic Sketches of Orthodox Nomadism. In Russ.]. Moscow, Higher School of Economics press, 2019, 349 p.
- Muravyova, M. *Aleksandro-Svirskii sovkhov im. tovarishcha Karla Marksa. 1919–1927* [Alexander-Svirsky State Farm Named after Comrade Karl Marx. 1919–1927. In Russ.]. St. Petersburg, Renome publ., 2026, 64 p.
- Smith, S. A. Bones of Contention: Bolsheviks and Struggle against Relics 1918–1930. In *Past and Present*. 2009. No. 2004, pp. 155–194.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

П. Г. Rogoznyy. Начало большевистской кампании по «вскрытию» мощей. Александрo-Свирский монастырь во время Гражданской войны // Петербургский исторический журнал. 2026. № 3. С. 143–155. DOI 10.51255/2311–603X_2026_3_143

Аннотация: Статья посвящена началу большевистской кампании по вскрытию мощей, которая официально началась в 1919 г. Импульсом к ее началу послужил случай в Александрo-Свирском монастыре, когда на месте святых мощей якобы была обнаружена кукла. Однако существует описание мощей, сделанное монахами до прихода большевиков, — оно противоречит версии властей. Аксиому по вскрытию мощей большевики в целом рассматривали как успешную. В понимании большинства населения мощи святого подвижника должны быть непременно нетленными. Помимо случая с мощами Александра Свирского, новые власти устроили настоящий погром в монастыре: грабеж ценностей, который порой трудно отличить от реквизиции, и изъятие некоторых вещей «на время». До революции монастырь был одним из самых богатых. Лишь создание на территории монастыря советского хозяйства отчасти прекратило расхищение остатков монастырского имущества.

Ключевые слова: Александрo-Свирский монастырь, святые мощи, вскрытие, кукла, советское хозяйство, большевики.

FOR CITATION

P. G. Rogozny. The Beginning of the Bolshevik Campaign to “Open” the Relics. Alexander Svirsky Monastery during the Civil War // Petersburg Historical Journal, no. 3, 2026, pp. 143–155. DOI 10.51255/2311–603X_2026_3_143

Abstract: The article is devoted to the beginning of the Bolshevik campaign for the autopsy of relics, which officially began in 1919, but the impetus for its beginning was the case in the Alexander Svirsky monastery, when a doll was allegedly discovered in the place of the holy relics. However, there is a description of the relics made by monks before the Bolsheviks, and it contradicts the version of the authorities. This incident was the impetus for the action, which was generally considered by the Bolsheviks to be successful. In the understanding of the majority of the population, the relics of a holy ascetic must necessarily be incorruptible. Except for the case of the relics of Alexander Svirsky, the new authorities staged a real *pogrom* of the monastery, where the looting of valuables is sometimes difficult to distinguish from requisition and the taking of some things “for a while”. Before the revolution, the monastery was one of the “richest”. Only the creation of a Soviet economy on the territory of the monastery partially stopped the looting of the remnants of the monastery’s property.

Key words: Alexander Svirsky monastery, holy relics, autopsy, doll, Soviet economy, Bolsheviks.

Автор: **Рогозный, Павел Геннадьевич** — к. и. н., научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН (Санкт-Петербург, Россия).

Author: **Rogozny, Pavel Gennadievich** — Candidate of Historical Sciences, Researcher at the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia).

E-mail: rorozny@yandex.ru

ORCID 0000-0001-5263-9170